

А. А. Кузьмина

Особенности пространственно-временной организации якутского эпоса олонхо (на материале олонхо «Тон Саар бухатыыр» С. Н. Каратаева)

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: aitasakha@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы заключается в том, что изучение хронотопической организации якутского эпоса, в том числе олонхо Вилуйского региона, позволяет определить специфику поэтики данного жанра фольклора. Цель работы – выявить особенности пространственно-временной организации якутского героического эпоса с точки зрения картины мира, сюжетосложения, биографического и повествовательного времени. Задачи исследования: рассмотрение пространственно-временной структуры картины мира в олонхо, определение хронотопической организации сюжета эпоса, биографического времени персонажей, изучение повествовательного времени, использования стилистических приемов. Материалом исследования является олонхо вилуйского сказителя С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» («Тон Саар бухатыыр»). Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использованы структурно-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, системный анализ поэтики якутского эпоса с учетом широкого понимания поэтики, включающего в ее состав структурные формы текста. В результате исследования выявили, что пространственно-временная организация якутского героического эпоса определяет его жанровую особенность, играя большую роль в структуризации картины мира, сюжетосложении, использовании стилистических приемов и средств, в развертывании повествования олонхо. Определили, что для олонхо характерно мифопоэтическое представление о времени первотворения, сотворения мира по принципу «расширяющейся Вселенной», трехчленной модели мира, мирового древа, где богатырь движется от центра к периферии, упорядочивая и осваивая пространство. Автор статьи приходит к выводу, что пространственно-временная категоризация играет большую роль в сюжетном построении олонхо, основным параметром которого является линейная хронологическая последовательность событий, состоящая из пространственных перемещений героя, его взаимоотношений с другими эпическими персонажами. При обозначении времени используются прием гиперболизации, различные способы выражения хронотопа. Выявили, что биографическое время персонажей олонхо также имеет свою специфику, выражающуюся в статичном возрасте персонажей. Отношение повествователя к событиям в эпосе реализуется своеобразным повествовательным временем. Обнаружили некоторые локальные отличия в хронотопической организации вилуйского олонхо.

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо, вилуйская эпическая традиция, пространственно-временная организация, хронотоп, картина мира, сюжет, стилистические приемы, биографическое время, повествовательное время, персонаж.

Благодарность: Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Для цитирования: Кузьмина А. А. Особенности пространственно-временной организации якутского эпоса олонхо (на материале олонхо «Тон Саар бухатыыр» С. Н. Каратаева) // Вестник СВФУ. 2022, №3(89). С. 73–85. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.75.61.007>

A. A. Kuzmina

Features of the spatio-temporal organization of the Yakut epic olonkho (on the material of the olonkho “Tong Saar buhatyyr” by S. N. Karataev)

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
E-mail: aitasakha@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic lies in the fact that the study of the chronotopic organization of the Yakut epic, including olonkho of the Vilyui region, allows determining the specifics of the poetics of this genre of folklore. The purpose of the work is to reveal the features of the spatio-temporal organization of the Yakut heroic epic from the point of view of the worldview, plot composition, biographical and narrative time. Research objectives include the consideration of the spatio-temporal structure of the worldview in olonkho, determination of the chronotopic organization of the epic plot, the biographical time of the characters, the study of narrative time, the use of stylistic devices. The research material is the olonkho by the Vilyuysky narrator S. N. Karataev “Bogatyr Tong Saar”. To achieve the purpose and address the research objectives, the authors utilize structural-semantic analysis, comparative method, systematic analysis of the poetics of the Yakut epic, taking into account a broad understanding of poetics, which includes the structural forms of the text. The research revealed that the spatio-temporal organization of the Yakut heroic epic determines its genre feature, playing an important role in structuring the worldview, plot composition, the use of stylistic techniques and means, as well as in the development of olonkho storytelling. It was determined that olonkho is characterized by a mythopoetic idea of the time of the first creation, the creation of the world according to the principle of the “expanding universe”, a threefold world model, the world tree, where the character moves from the center to the periphery, ordering and mastering the space. The author of the article comes to the conclusion that spatio-temporal categorization plays an important role in the plot construction of olonkho, the main parameter of which is a linear chronological sequence of events, consisting of the character’s spatial movements, his relationships with other epic characters. A technique of hyperbolization, various ways of expressing the chronotope were used for descriptions of time. It was revealed that the biographical time of olonkho characters also has its own specifics, expressed in the characters’ static age. The narrator’s attitude to the events in the epic is expressed by peculiar narrative time. Some local differences in the chronotopic organization of the Vilyui olonkho were found.

Keywords: Yakut heroic epic olonkho, Vilyui epic tradition, spatio-temporal organization, chronotope, picture of the world, plot, stylistic devices, biographical time, narrative time, character.

Acknowledgements: Author gratitude to Shared core facilities of the Federal Research Center ‘Yakutsk Science Center SB RAS’ for the opportunity to conduct research on the scientific equipment of the Center under grant No. 13.SCF.21.0016.

For citation: Kuzmina A. A. Features of the spatio-temporal organization of the Yakut epic olonkho (on the material of the olonkho “Tong Saar buhatyyr” by S. N. Karataev) // Vestnik of NEFU. 2022, No. 3(89). Pp. 73–85. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.75.61.007>

Введение

Хронотоп является одной из категорий, определяющих художественный текст и имеющих бесконечно разнообразную жанровую структуру. Якутский эпос олонхо, относящийся к ранним типам эпоса тюрко-монгольских народов, имеет своеобразную пространственно-временную категоризацию. Актуальность темы заключается в том, что изучение хронотопической организации якутского эпоса, в том числе олонхо Вилюйского региона, позволяет выявить специфику поэтики данного жанра фольклора. Предметом исследования выступают статические, динамические характеристики пространственно-временной структуры картины мира в олонхо, хронотопическая организация сюжета эпоса, биографическое время персонажей, повествовательное время. Вилюйская эпическая традиция основывается на традиционных жанровых канонах, тем не менее она имеет некоторые локальные особенности.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей пространственно-временной организации якутского героического эпоса с точки зрения картины мира, сюжетосложения, биографического и повествовательного времени. Новизна работы заключается в системном анализе хронотопической структуры олонхо с точки зрения его семантики, сюжетообразующей и повествовательной роли, характеристики персонажей, поэтико-стилевых средств. В данном исследовании также впервые обращаем внимание на локальное своеобразие в текстах олонхо вилюйской эпической традиции.

Материалом исследования является олонхо вилюйского сказителя С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» («Тонг Саар бухатыыр»), запись которого сделана А. А. Саввиным в 1938 г. во время Вилюйской экспедиции, как один из показательных текстов вилюйской эпической традиции [1]. В качестве сравнительного материала выступают олонхо данного сказителя «Сююлэлджин Боотур» [2], «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешникова из Чурапчинского района [3], «Богатырь Хаан Илбистээн» Д. А. Томской из Верхоянского района [4], «Куллуйа Куллуустуур» М. Т. Шараборина–Кумаарап из Олекминского района [5].

Для определения пространственно-временной организации якутского героического эпоса мы применили положения М. М. Бахтина о сюжетном и изобразительном значении хронотопа [6], В. Н. Топорова о мифопоэтическом пространстве и времени, об их непротивопоставлении как «внешней формы созерцания внутренней» [7, с. 322]. Методологическую ценность представляет позиция Ю. М. Лотмана, согласно которой характер хронотопической организации произведения связан с картиной мира и внутренними задачами художественного текста [8]. Важным является семиотический метод, примененный Е. М. Мелетинским при изучении мифического времени [9].

Определяющее значение имеют научные взгляды исследователей В. Я. Проппа, Д. С. Лихачева, С. Ю. Неклюдова, Ф. М. Селиванова о пространственно-временной организации русского повествовательного фольклора, в особенности при анализе эпического сюжета и повествования [10–13]. Описание способов и средств выражения хронотопа проведено с опорой на труды В. М. Гацака, А. В. Кудиярова по тюрко-монгольскому эпосу [14–15]. Значимы исследования якутских фольклористов Л. Л. Габышевой, Л. Н. Семеновой, Е. И. Избековой, М. Т. Сатанар, рассмотревших проблему фольклорного хронотопа в разных аспектах [16–19].

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использованы структурно-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, системный анализ поэтики якутского эпоса с учетом широкого понимания поэтики, включающего в ее состав структурные формы текста.

Пространственно-временная структура картины мира в якутском эпосе

В якутском героическом эпосе представлена мифопоэтическая модель мира, в которой организация пространства и времени является одним из основных ее элементов. В зачине олонхо подробно описывается первоначальный пространственно-временной

фон. Как отметил С. Ю. Неклюдов, «чем полнее и подробнее описание изначальной гармонии, тем драматичнее вторжение. Однако в конце концов демонические силы (в более поздних формах превращающиеся во враждебных иноплеменников/иноверцев) будут подавлены богатырем, своей деятельностью как бы продолжающим процесс первотворения» [12, с. 41]. Если сравнить зачины разных локальных традиций олонхо, то наиболее разработанное и детальное описание мира встречается в центральной эпической традиции [3], а в сказаниях северных якутов оно существенно короче [4]. В этом отношении олонхо Вилюйского региона занимает промежуточное место.

Якутское олонхо относится к архаическому типу эпоса. «Фоновое время эпохи эпических богатырей» воспринимается как мифическое время первотворения и первопредков, «предшествующее началу отсчета эмпирического времени» [12, с. 36]. Олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» начинается с традиционной формулы времени *«Былыргы дьыл / Быһылааннаах мындаатыгар, / Оруку дьыл / Охсуһуулаах улахатыгар, / Эргэтээни дьыл / Этиһиһлээх эркинигэр...»* (букв. «На гребне древних веков, сопровождаемых происшествиями, Далеко за гранью канувших боевых лет, В старые времена со ссорами») (здесь и далее перевод наш. – А. К.) [1, с. 22]. Затем, после описания жилища богатыря, во второй раз дается новаторское описание эпического времени, где упоминаются названия российских городов, которые не участвуют в пространственной организации сюжета эпоса: *«Бизэрибэй маннай / Дьырбиик куорат / Тэриллэ илигинэ эбит, / Баабырыкы малыччы суобуна, / Арасыйыа куорат / Ахтылла илигинэ, Боскуоба куорат / Больчулла илигинэ, / Бөтүргүүр куорат / Бүдүлүнэ илигинэ, / Уркуускай куорат / Оҕоһулла илигинэ, / Дьокуускай куорат / Долуой суобуна...»* («В первую очередь до того, как был образован город Ирбит, когда вообще не было фабрик, когда еще не вспоминали о городе Россия, до того, как был установлен город Москва, до того, как был образован город Петербург, до того, как построен город Иркутск, когда еще не было города Якутска...») [1, с. 32–33]. В олонхо Вилюйского региона часто употребляются местные топонимы (*Сыа Булүү, Мэнгэдьэк кыргыттара, Дьэһиэй дьахталлара* и т. д.) в составе эпических формул, описаний каких-либо предметов или явлений.

В олонхо Вилюйского региона часто встречается мотив сотворения мира «Мир расширился из маленькой точки» («Расширяющаяся Вселенная»). В рассматриваемом тексте данный мотив отсутствует, однако в другом олонхо С. Н. Каратаева – «Сююлэджин Боотур» – он передается следующей эпической формулой: *«Сир ийэ / Сизэрэй тиин кулгаабын / Кэрэтин саба бэйэтэ / Тонус киһи туутун курдук / Дьурулаан уһаан, / Саха киһи хайыһарын курдук / Халыйан тарҕанар»* («Мать-земля, Величиной с ухо серой белки будучи, Как верша тунгуса, Вытянувшись, как лыжи якута, Расширяется-растягивается») [2, с. 8].

По В. Н. Топорову, «мифопоэтическая Вселенная» имеет свою внутреннюю организацию, состоящую из разных частей [7, с. 327]. Согласно эпической модели мира якутов, Вселенная (*Аан ийэ дойду*) состоит из трех миров: Верхнего (*Үөһээ дойду*), населенного божествами *айыы* и частично племенем чудовищ *абаасы*; Среднего (*Орто дойду*), где живут племя людей *айыы аймага* и духи *иччи*; Нижнего (*Аллараа дойду*), в котором обитают чудовища *абаасы* и кузнец, сохраняющий нейтралитет по отношению ко всем. Л. Л. Габышева, исследовавшая семантическую структуру мифопоэтической картины мира якутов, выявила соотнесение концептов 'север' – 'низ' (Земля) – 'черный цвет' – 'бык' и 'юг' – 'верх' (Небо) – 'белый цвет' – 'конь' [16, с. 23–25].

В зачине якутского героического эпоса описание пространства идет как бы от общего к частному, от макрокосма к микрокосму: после описания Вселенной, изначальной земли, урочища-*алааса*, где пасутся рогатый скот и табун лошадей, мирового древа, дается описание подворья, жилища, утвари, внешнего вида богатыря.

В центральной части находится урочище-*алаас* Среднего мира, входящего в категорию «своего» мира, где родился и живет богатырь/богатырка. Как считает С. Ю. Неклюдов,

в архаическом эпосе воспроизводится «центробежная» модель мифа, в которой «изначально герой находится (родился, создан) в центре мира, который, как и в мифе, космичен, а не географичен; этническое, единственным воплощением которого является род и племя героя, интерпретируется как подлинно человеческое и противостоит демонической периферии, смиряемой и очищаемой богатырем» [12, с. 119]. В якутском эпосе движение героя также происходит от центра к периферии, как бы упорядочивая и осваивая пространство, приводя хаос в порядок.

В зачине олонхо «Богатырь Тонг Саар» три мира упоминаются при описании священной изобильной березы *Аар Кудук Хатын*, связывающей три мира, ветви которой достигают до коновязи верховного божества Верхнего мира, а корни – до жилища обитателей Нижнего мира [1, с. 24–28]. По представлениям олонхосутов, внутри этой березы обитает дух-хозяйка земли Аан Алахчын Хотун в облике пожилой женщины, благословляющей богатыря и указывающей ему дорогу. В центральной эпической традиции вместо березы используют образ дерева *Аал Луук Мас*, *Аар Мас*, *Аар Кудук Мас*, а в северной – иногда образ лиственницы.

По мере разворачивания сюжета дается довольно подробное описание Нижнего мира, относящегося к категории «иного», «чужого» пространства, «антимира», где происходят поединки главного героя со своими противниками – чудовищами-абаасы. Для некоторых текстов олонхо характерно употребление заимствованного от русских христианского понятия «ад» по отношению к Нижнему миру, именам абаасы. Нижний мир структурирован: имеются различные топосы и локусы в виде огненных, ледяных, спиртных, смоляных морей, высоких гор, железного (каменного) жилища, вертящегося вокруг своей оси, которые препятствуют передвижению героя.

Верхний мир также относится к категории «иного» пространства, имеющего положительное отношение к обитателям Среднего мира. Люди считаются «родственниками божеств айыы» (*айыы аймаҕа*), «солнечным улусом» (*күн улууһа*) с поводами на спине (*көхсүттэн тэһииннээх*), что показывает их происхождение и связь с небожителями. Однако небожители соблюдают дистанцию, так как их сближение с людьми чревато осквернением божеств. Верхний мир описан как место, имеющее сходство со Средним миром. В мифологических представлениях якутов Верхний мир состоит в основном из девяти ярусов, в каждом из которых обитает божество, выполняющее определенную функцию. Однако эти ярусы упоминаются не во всех текстах олонхо.

Эпический хронотоп в сюжетосложении олонхо

Хронотоп как «организационный центр основных сюжетных событий» художественного произведения был разработан известным литературоведом М. М. Бахтиным [6, с. 398]. В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев, С. Ю. Неклюдов на материале русского фольклора исследовали художественное время и пространство, уточняя их роль в сюжете, выявляя их основные качества и отличия от литературных текстов [10–12]. Так, В. Я. Пропп определил, что для фольклора характерно эмпирическое пространство и время, что обуславливает фабульный хронотоп. При этом исследователь подчеркивал абстракцию во временном сознании, фантастичность обозначения времени [20]. По Д. С. Лихачеву, неоднородность эпического времени связана с принципом «наибольшего выделения главного героя» [11, с. 230]. С. Ю. Неклюдов сравнил эпическое пространство с просмотром кадров диафильма, когда это пространство прерывисто, «легко поддается делению на определенные зоны», «перемещение по нему включает в себя скачкообразные переходы из одного места в другое» [12, с. 127].

Для олонхо характерна линейная хронологическая последовательность событий, при этом ход времени убыстряется, замедляется, что-то опускается. Пример быстротекущего времени, его ускорения наблюдается в мотиве быстрого роста героя-младенца. Так, в олонхо «Богатырь Тонг Саар» сын-бык богатыря Тонг Саар после рождения сразу убегает из дому и появляется уже повзрослевшим на третий день после родов, когда совершается

обряд «Проводы богини плодородия Айыысыт». В других текстах олонхо часто сообщается, что за один день богатырю исполняется один день, за два дня – два года, за три дня – три года. По мифопоэтическим воззрениям якутов, числительное «три» обладает сакральным смыслом [18]. Замедление времени в якутском эпосе встречается в сценах диалога богатыря с противником, поединка, седлания коня, надевания богатырского снаряжения и т. д. Как считает Д. С. Лихачев, действие, замедленное почти до реального, возникало при необходимости «картинности описания» [11, с. 248]. Детали, действия и связанные с ними время и пространство, не играющие никакой роли ни в сюжете, ни в раскрытии образа героев, часто опускаются.

При анализе текста олонхо «Богатырь Тонг Саар» выявлено, что не во всех действиях, эпизодах показано время. Оно имеет свойство развиваться в связи с движением героя в пространстве. Время пять раз указано при описании богатырской езды: 1) богатырь Тонг Саар «не знал, долго ли он ехал или коротко ли он ехал» (*Өр илии бартын билбэтэбэ, / Өтөр илии бартын билбэтэбэ*); 2) богатырь Тонг Саар преследует тунгусского богатыря в течение тридцати лет; 3) состарившийся Тонг Саар ходит пешком на охоту, проделывая путь в семь дней; 4) богатырь Юрюнг Кыртай, его брат-бык Сююлэлджин Боотур совершают путь в течение девяти месяцев; 5) затем богатырь Юрюнг Кыртай едет еще в течение трех лет. Кроме того, время отмечено при описании битвы богатырей (девяносто дней, пять месяцев), «первой брачной ночи» молодоженов в течение десяти дней, сопротивления коня в течение трех суток, девятидневной бури. Как видим, при обозначении длительности времени используется прием гиперболизации, позволяющий показать всю масштабность, эпичность героических деяний богатыря олонхо.

В. М. Гацак, А. В. Кудияров выявили различные способы выражения хронотопа в тюрко-монгольском эпосе, в том числе в олонхо. Среди них выделяется измерение расстояния временным эквивалентом (днями, месяцами и годами), точной путевой мерой *көс* (7–10 км) [15, с. 212]. Длительность путешествия богатыря показывается посредством смены времен года [14–15]. Вид опосредованного хронотопа долгого пути – «указание на изнуренный вид путника» – также использован в олонхо С. Н. Каратаева [1, с. 92–93].

Таблица

Эпическое пространство в сюжетной структуре олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева

Table

Epic space in the plot structure of the olonkho “Tong Saar buhatyyr” by S. N. Karataev		
Элементы сюжетной структуры	Топосы, локусы	Миры, зоны
I часть		
Эпический зачин	Вершина горы <i>Дуур</i> Урочище- <i>алаас</i> Священная изобильная береза <i>Аар Кудук Хатын</i> Двор, жилище богатыря Тонг Саар	Средний мир Верхний мир Нижний мир Средний мир
1.2. Героическая коллизия (мотиви-ровка выезда)		Не указан, но подразумевается, что это происходит в Среднем мире

1.3. Сборы в богатырский поход	Двор, коновязь Жилище Священная изобильная береза	Средний мир
1.4. Путь	Местность как недоваренное ухо (как Нижний мир)	Промежуточная зона
1.5. Героическое сватовство	Страна невесты Двор, жилище невесты	Средний мир
1.6. Поединок с противниками (абаасы)	Жилище невесты Поле на западной стороне <i>алааса</i> Каменная гора на южной стороне <i>алааса</i>	Средний мир
1.7. Препятствия в пути на родину	Местность с девятью урасами Яма Пень Вершина горы Яма	Промежуточная зона Верхний мир Промежуточная зона Нижний мир
1.8. Возвращение на родину	Родина богатыря Тонг Саар	Средний мир
II часть		
2.1. Героическая коллизия (мотивировка выезда)	Родина богатыря Тонг Саар Жилище	Средний мир
2.2. Сборы в богатырский поход		Средний мир
2.3. Путь	Половина пути, болотистая местность с «железными чахлыми» травами и деревьями	Промежуточная зона
2.4. Препятствия	Берег Огненного моря Кровавое море, Огненное Смоляное море, Спиртное море (<i>Испириинэй муора байбал</i>) Каменная гора	Нижний мир
2.5. Путь		Не указан
2.6. Героическое сватовство	Страна невесты (прекрасный <i>алаас</i> с серебряной растительностью, где пасутся многочисленные стада рогатого скота и табуны лошадей)	Средний мир
2.7. Поединок с противниками (абаасы)	Вершина каменной горы Западная сторона неба <i>Алаас</i> Хогудал	Средний мир
2.8. Последствия сватовства/деяния	<i>Алаас</i> , где живут родители невесты Хаппахчы – комната невесты	Средний мир
2.9. Возвращение на родину	Родина богатыря Юрюнг Кыыртай	Средний мир

В таблице приведены макролокусы (миры, зоны), микролокусы (топосы, локусы) в олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева. Из всех миров Средний мир обладает множеством топосов (родина богатыря, страна невесты), локусов (вершина горы, священная береза, жилище, комната и др.) и в сюжетной структуре встречается в преобладающем большинстве случаев, в особенности в зачине (экспозиции), и даже в поединке с противниками. Поединок с противниками происходит на родине невесты и связан с мотивами сватовства и соперничества (состязания) с богатырями других миров, которые характерны для сюжетного типа олонхо о родоначальниках ураангхай-саха, тогда как в сюжетном типе о защитниках племени *айыы аймага* битвы часто происходят в Нижнем мире. На родине суженой происходит женитьба богатыря: в первой части – без свадьбы, во второй части – со свадебным обрядом с благопожеланиями матери невесты.

Нижний мир представлен в препятствиях на пути в обеих частях олонхо: в первом случае – эпизодически, при изображении попадания в яму богатыря и коня, а во второй раз – при битве со стражем порога на берегу Огненного моря и его сестрой на каменной горе. Отрицательная семантика Нижнего мира ярко проявлена и в названиях морей (Огненное море, Кровавое море, Огненное Смоляное море, Спиртное море). Для олонхо «Богатырь Тонг Саар» характерно плавное, горизонтальное попадание героя в Нижний мир, тогда как в других текстах олонхо, например, в олонхо «Тамаллаайы Бэргэн» И. Д. Оконешникова из Чурапчинского района, описан вертикальный спуск по дороге в виде туннеля или через искусственно созданное отверстие [3].

В промежуточной зоне, имеющей противоречивую семантику, являющейся репликой того или иного мира, «между небом и землей» (*сир-халлаан ыпсыыта*), в культурно чуждых герою лесу и горной местности происходит встреча богатыря со стариком Сээркээн Сэсэн, шаманом, указывающим ему путь, женщинами-оборотнями, тунгусским богатырем, чинящими ему различные препятствия, богатырская езда, битва с чудовищем-абаасы.

Верхний мир упоминается в олонхо С. Н. Каратаева два раза: в зачине олонхо, когда изображаются верхние ветки священной изобильной березы, и в препятствиях в пути, когда прилетают небесные шаманки (дочь Чолбон Тойона шаманка Туналыкаан, дочь Кюн Тойона шаманка Кюёгэлджин Куо, дочь Ый Тойона шаманка Ытык Ылымырдыыр Куо) в облике стерхов и воскрешают погибшего богатыря живой водой. В других текстах олонхо реализуются мотивы справедливого судейства божеств, помощи небесных богатырей, богатырского коня в роли вестника, спуска героев из Верхнего мира и т. д.

В олонхо также можно выявить «мнимый хронотоп», что означает развертывание событий в нереальном, условном времени и пространстве (сон, мечта, миф и т. д.) [21, с. 184]. Сновидение в эпосе выступает как способность предвидеть будущее. В олонхо «Богатырь Тонг Саар» Айталын Куо, жене богатыря, два раза снится вещий сон: в первый раз – перед состязанием и поединком героя с соперниками, во второй раз – перед рождением сына-быка.

Ф. М. Селиванов обратил внимание на временное сознание персонажей, которое, по его мнению, оставалось вне поля зрения исследователей [13]. В олонхо также в некоторых моментах можно наблюдать такое осмысление: главный герой осознает, что пришло время мериться силами с богатырями других миров и найти свою суженую; кузнец ждет свое вознаграждение, когда богатырь станет победителем; противник-абаасы угрожает, что в будущем возродится и отомстит.

Биографическое время персонажей олонхо

С. Ю. Неклюдов выделяет биографическое время персонажей как отвечающее от сюжетного времени или сливающееся с ним [12]. В героической биографии богатыря олонхо уделяется внимание его происхождению (божественное, чудесное), сватовству, защите своего племени от нашествий и козней абаасы, препятствиям в пути и возвращению на родину, при этом, по описанию сказителей, проходит много времени:

например, один только путь может занять тридцать лет. Все это время возраст главного героя может оставаться статичным (молодым, зрелым, в расцвете сил). Когда мотивы происхождения и воспитания героя находят более полную реализацию в экспозиции олонхо, то может описываться чудесное зачатие, рождение, быстрый рост (за один день исполняется один год, за два дня – два года, за три дня – три года), исчезновение ребенка, во время которого он проходит богатырскую закалку, его внезапное появление уже повзрослевшим. Затем этот возраст не меняется в течение всего эпического повествования.

В олонхо С. Н. Каратаева главный герой не имеет родителей, тем самым он похож на тип одинокого богатыря Эр Соготох (Муж-Одиночка). В именной формуле говорится о том, что он вырос на вершине южной горы Дуур, стоя головой вниз в течение тридцати лет, словно аккумулируя в себе силу, энергию природы: «*Собуруу диэки / Дуур хайа төбөтүгэр / Отут сылы мэлдьи / Төбөтүнэн туран үөскээбит / Тонг Саар бухатыыр*» («На южной стороне, На вершине горы Дуур В течение тридцати лет Выросший стоя Богатырь Тонг Саар») [1, с. 22]. Таким образом, сказитель не уделяет внимание ни происхождению, ни детству героя. Вместо этого упоминается инкубационный период развития героя в неподвижном состоянии в течение длительного времени (тридцать лет).

Очень редко рассказывают о старении героя. Так, в олонхо «Богатырь Тонг Саар» в первой части повествования герой женится, у них с женой рождается сын, и с этого момента его уже называют стариком. Во второй части повествования сыновья после рождения исчезают и через несколько дней возвращаются уже повзрослевшими, затем их возраст не меняется. Их мать Айталын Куо к рождению второго сына описана как старуха. В якутском эпосе богатырь после женитьбы перестает отправляться в богатырские походы, и, по сути, на этом сказание заканчивается. В олонхо С. Н. Каратаева старение богатыря Тонг Саар обусловлено усложнением сюжета за счет смены поколений, что, на наш взгляд, является нововведением сказителя.

В некоторых олонхо возраст героя от начала до конца вообще не меняется. С. Ю. Неклюдов на материале русских былин выявляет тип молодящегося героя при пространственной «сверхподвижности» [12, с. 198–199]. Однако в олонхо такого эффекта регрессивного движения во времени не наблюдается.

Возраст остальных персонажей неизменен во времени. Родители героя всегда изображаются как пожилые люди. Старуха Симэхсин, старик-советчик Сээркээн Сэсэн, дух-хозяйка земли Аан Алахчын Хотун, верховное божество Юрюнг Айыы (Аар) Тойон также находятся в преклонном возрасте. Образы антагонистов-абаасы, тунгусского богатыря, женщин-оборотней, божеств, небесных богатырей, шаманок, посыльного парня Сорук-Боллура, домашней прислуги представлены в повзрослевшем состоянии. Зооморфные образы (богатырский конь, птицы-вестники), кроме щенка-оборотня, также находятся в расцвете сил. Щенок, исполнив свою миссию, превращается в серебряного богатыря.

В якутском эпосе герой не умирает, олонхо заканчивается оптимистичными словами о его долгой и счастливой жизни. Олонхо «Богатырь Тонг Саар», как в сказочных финальных формулах, заканчивается словами о том, что герой живет до сих пор: «*Оччоттон баччаба диэри / Киһи-хара буолан / Сириэдийэн олордо*» («С тех пор до сегодняшнего дня, Став человеком, Живет-процветает»). Подобное встречается в эпическом творчестве Д. А. Томской из Верхоянского района (северо-восточная эпическая традиция) [4]. Видимо, здесь наблюдается влияние сказочной традиции: и С. Н. Каратаев, и Д. А. Томская были не только олонхосутами, но и сказочниками.

Таким образом, в якутском героическом эпосе в некоторой степени представлено биографическое время героя. Другие образы остаются в «застывшем» возрасте, каждый выступая в своей роли в зависимости от хода развития сюжета.

Повествовательное время в олонхо

Исследователи выделяют несколько сфер при изучении пространства и времени в устном эпосе: художественное отображение, историческая действительность, исполнительская [11, 13]. Большой интерес представляет «конфликт времени сказителя и его слушателей (линейное время) и “рассказываемого” (эпического, или циклического) времени» [22, с. 208]. Д. С. Лихачев писал: «Слушатели былины верят в действительность героев, в действительность действия, ждут возможности иного исхода при повторном исполнении былины...» [11, с. 266]. Сами олонхосуты также верили в реальное существование героев эпического мира олонхо [23].

Художественное время в свою очередь делится на сюжетное и повествовательное время. При этом сюжетное время показывает «время объективной реальности, непосредственно выражаемой в художественном тексте», а повествовательное время – «время объективной реальности, преобразованное эпическим отношением повествователя к событиям, описанным в произведении» [24, с. 59].

В отличие от литературы, в фольклорном произведении нет автора (анонимность), что обуславливает отсутствие авторского времени [11]. Обнаруживается некоторое отождествление исполнителя (сказителя) и повествователя [11]. По С. Д. Мухоплевой, повествователем является «тот, кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует внутреннее состояние героя и мотивы его поведения, характеризует его человеческий тип (душевный склад, темперамент, отношение к нравственным нормам и т. п.), не будучи при этом ни участником событий, ни, что еще важнее, объектом изображения для кого-либо из персонажей» [25, с. 15]. Очень редко, в виде новации конкретного сказителя, отступления от традиции, можно встретить образ олонхосута в тексте. Так, в зачине олонхо «Куллуйа Куллустуур» олекминского сказителя М. Т. Шараборина–Кумаарап этот образ заходит в жилище богатыря, разговаривает с его прислугой, затем прячется и исчезает, увидев героя, однако его все равно замечают [5].

Фигура повествователя особенно заметна в обрамляющих частях олонхо. В эпическом зачине представлена картина мира с указанием времени и способа первотворения, вертикального и горизонтального пространственного положения. Ф. М. Селиванов, углубившись в эту тему, выявил, что «эпическое видение мира повествователем (творцами историко-героического эпоса) предопределяет широкие масштабы деятельности героев, монументальность их образов, общенародную значимость событий» [13, с. 182].

Позицию повествователя может занимать и персонаж олонхо, чаще всего – сам герой. Однако действующие лица ограничены в своих возможностях обозрения и освоения пространства, тогда как у повествователя таких ограничений нет.

Повествовательное время способно приблизить замкнутые во времени и пространстве эпические события к постоянно изменяющейся действительности [13]. Отношение повествователя к событиям в эпосе находит свое отражение в системе временных глагольных форм в тексте. План повествования в основном подается в прошедшем времени. Быстрота действия может передаваться с помощью образных глаголов с моментально-однократной формой: «*Тус арбаа диэки Обус бабайы субурус гыммыта*» («На западном направлении Бык помчался, Вытянувшись телом в длину») [1, с. 149]. В тексте олонхо довольно часто встречаются послелогии, выражающие временные отношения: «*Ити гынан баран*» («затем»), «*ол кынан баран*» («затем»), «*онуоха*» («тогда»), «*ол кыммытын кэннинэ*» («после того, как он сделал (совершил)») и др.

Заключение

Таким образом, пространственно-временная организация якутского героического эпоса определяет его жанровую особенность, играя большую роль в структуризации картины мира, сюжетосложении, использовании стилистических приемов и средств, в разворачивании повествования олонхо. В зачине якутского эпоса наблюдается

детализированное описание пространственно-временного фона, строящееся по принципу «от макрокосма к микрокосму». Для олонхо характерно мифопоэтическое представление о времени первотворения, сотворения мира по принципу «расширяющейся Вселенной», трехчленной модели мира, мирового древа. Пространственно-временная категоризация также играет большую роль в сюжетном построении олонхо, когда событийное развертывание сюжета олонхо строится из пространственных перемещений героя, его взаимоотношений с другими эпическими персонажами. При обозначении времени используют прием гиперболизации, различные способы выражения хронотопа. Биографическое время персонажей олонхо в основном характеризуется статичностью, лишь изредка отступая от традиции. Отношение повествователя к событиям в эпосе реализуется своеобразным повествовательным временем. Обнаружены некоторые локальные отличия в хронотопической организации вилюйского олонхо.

Л и т е р а т у р а

1. Каратаев, С. Н. Тон Саар бухатыыр : Олонхо [Богатырь Тонг Саар : Олонхо] / С. Н. Каратаев. – Якутск : Бичик, 2004. – 237 с.
2. Каратаев, С. Н. Сүүлэлдэйн Боотур [Сюулэлджин Боотур] / С. Н. Каратаев. – Якутск : Цумори пресс, 2011. – 122 с.
3. Оконешников, И. Д. Тамаллаайы Бэргэн [Тамаллаайы Меткий] / И. Д. Оконешников. – Якутск : Медиа-холдинг «Якутия», 2012. – 320 с.
4. Томская, Д. А. Хаан Илбистээн бухатыыр; Көмүс Мөкүлүкээн оҕонньор, Элгээн Ийэхсит эмээхсин : олонхолор [Богатырь Хаан Илбистээн; Старик Кёмюс Мёкюлюкээн, старуха Элгээн Ийэхсит : олонхо] / Д. А. Томская. – Якутск : Алаас, 2016. – 128 с.
5. Шараборин–Кумаарап, М. Т. Куллуйа Куллуустуур; Турбутунан төрөөбүт Дуо бухатыыр : олонхолор [Куллуйа Куллуустуур; Рожденный стоя богатырь Дуо : олонхо] / М. Т. Шараборин–Кумаарап. – Якутск : Алаас, 2020. – 720 с.
6. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
7. Топоров, В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. / В. Н. Топоров. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 448 с.
8. Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1968. – Вып. 209. – С. 5–50. – (Труды по русской и славянской филологии; Т. 11 : Литературоведение).
9. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд, репр. / Е. М. Мелетинский. – Москва : Восточная литература, 2006. – 407 с.
10. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора : Собрание трудов / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 1998. – 352 с.
11. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Москва : Наука, 1979. – 359 с.
12. Неклюдов, С. Ю. Поэтика эпического повествования : пространство и время / С. Ю. Неклюдов. – Москва : Форум, 2015. – 216 с.
13. Селиванов, Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка / Ф. М. Селиванов. – Москва : Кругъ, 2009. – 312 с.
14. Гацак, В. М. Устная эпическая традиция во времени: исторические исследования поэтики / В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1989. – 256 с.
15. Кудияров, А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А. В. Кудияров. – Москва : ИМЛИ РАН, 2002. – 329 с.
16. Габышева, Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира / Л. Л. Габышева. – Москва : РГГУ, 2003. – 188 с.

17. Семенова, Л. Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо) : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Л. Н. Семенова. – Москва, 2000. – 160 с.
18. Избекова, Е. И. Числительные в олонхо : структура и семантика : монография / Е. И. Избекова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 152 с.
19. Сатанар, М. Т. Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) / М. Т. Сатанар // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 302–319.
20. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1976. – 326 с.
21. Воронцова, Т. И. Пространственно-временная категоризация текста баллады (на материале английских фольклорных баллад) / Т. И. Воронцова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2003. – № 5, Т. 3. – С. 181–189.
22. Дарчиева, М. В. Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах : Монография / М. В. Дарчиева. – Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 349 с.
23. Илларионов, В. В. Искусство якутских олонхосутов / В. В. Илларионов. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1982. 123 с.
24. Пюрвеева, Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н. Б. Пюрвеева. – Элиста, 2003. – 347 с.
25. Мухоплева, С. Д. К вопросу субъектно-речевой структуры олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина / С. Д. Мухоплева // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию записи эпоса «Урал-батыр». Ч. 2. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 14–18.

References

1. Karataev, S. N. Tong Saar bukhatyyr : Olongkho [Bogatyr Tong Saar: Olonkho] / S. N. Karataev. – Yakutsk: Bichik, 2004. – 237 p.
2. Karataev, S. N. Syuuleldyin Bootur [Syuuleldzhin Bootur] / S. N. Karataev. – Yakutsk: Tsumori press, 2011. – 122 p.
3. Okoneshnikov, I. D. Tamallaaiy Bergen [Tamallaaiy the Precise] / I. D. Okoneshnikov. – Yakutsk: «Yakutia» Media Holding, 2012. – 320 p.
4. Tomskaya, D. A. Khaan Ilbisteen bukhatyyr; Kyoemyus Myekyulyukeen ogonnyor, Elgeen Ieyekhsit emekhsin: olongkholor [Bogatyr Khaan Ilbisteen; Old Man Kyomus Myokyulyukeen, Old Woman Elgeen Iyeehsit: olonkho] / D. A. Tomskaya. – Yakutsk: Alaas, 2016. – 128 p.
5. Sharaborin–Kumaarap, M. T. Kulluya Kullustuur; Turbutunan tyoryoobyт Duo bukhatyyr: olongkholor [Kulluya Kullustuur; Born standing bogatyr Duo: olonkho] / M. T. Sharaborin–Kumaarap. – Yakutsk: Alaas, 2020. – 720 p.
6. Bakhtin, M. M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics / M. M. Bakhtin // Questions of literature and aesthetics. Research of different years. – Moscow: Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1975. – pp. 234–407.
7. Toporov, V. N. World Tree: Universal sign complexes. T. 1. / V. N. Toporov. – Moscow: Manuscripts of Ancient Russia, 2010. – 448 p.
8. Lotman, Yu. M. The problem of artistic space continuum in Gogol’s prose / Yu. M. Lotman // Scientific notes of Tartu State University. - 1968. - Issue. 209. - pp. 5–50. - (Works on Russian and Slavic Philology; T. 11: Literary Studies).
9. Meletinsky, E. M. Poetics of myth. 4th ed., repr. / E. M. Meletinsky. – Moscow: Vostochnaya literatura Publishing, 2006. – 407 p.
10. Propp, V. Ya. Poetics of folklore: Collection of works / V. Ya. Propp. – Moscow: Labirint, 1998. – 352 p.
11. Likhachev, D. S. Poetics of ancient Russian literature / D. S. Likhachev. – Moscow: Nauka, 1979. – 359 p.

12. Neklyudov, S. Yu. Poetics of the epic narrative: space and time / S. Yu. Neklyudov. – Moscow: Forum, 2015. – 216 p.
13. Selivanov, F. M. Poetics of epics in historical and philological coverage: composition, artistic world, language features / F. M. Selivanov. – Moscow: Krug, 2009. – 312 p.
14. Gatsak, V. M. Oral epic tradition in time: historical studies of poetics / V. M. Gatsak. – Moscow: Nauka, 1989. – 256 p.
15. Kudiyarov, A. V. Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia / A. V. Kudiyarov. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, 2002. – 329 p.
16. Gabysheva, L. L. Word in the context of the mythopoetic picture of the world / L. L. Gabysheva. – Moscow: RSUH, 2003. – 188 p.
17. Semenova, L. N. Semantics of epic space and its role in plot formation (based on the Yakut epic olonkho): dissertation for the degree of candidate of cultural studies / L. N. Semenova. – Moscow, 2000. – 160 p.
18. Izbekova, E. I. Numerals in olonkho: structure and semantics: monograph / E. I. Izbekova. – Yakutsk: NEFU Publishing House, 2014. – 152 p.
19. Satanar, M. T. Explication of some codes of the mythological system of the Yakut epic olonkho (to the formulation of the question of folklore time and space) / M. T. Satanar // Scientific dialogue. – 2020. – No. 6. – P. 302–319.
20. Propp, V. Ya. Folklore and reality. Selected articles / V. Ya. Propp. – Moscow: Nauka, Chief Editorial Board of Eastern Literature, 1976. – 326 p.
21. Vorontsova, T. I. Spatio-temporal categorization of the ballad text (based on English folklore ballads) / T. I. Vorontsova // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. – 2003. – No. 5, T. 3. – pp. 181–189.
22. Darchieva, M. V. Mythopoetic chronotope in Ossetian epic texts: Monograph / M. V. Darchieva. – Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, 2017. – 349 p.
23. Illarionov, V. V. The art of the Yakut olonkhosuts / V. V. Illarionov. – Yakutsk: Yakut Book Publishing, 1982. 123 p.
24. Pyurveeva, N. B. Poetics of the heroic epic “Dzhangar”: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / N. B. Pyurveeva. – Elista, 2003. – 347 p.
25. Mukhopleva, S. D. To the question of the subject-speech structure of the olonkho “Nyurgun Bootur The Swift” K. G. Orosina / S. D. Mukhopleva // “Ural-Batyr” and the spiritual heritage of the peoples of the world: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to 100th anniversary of the recording of the epos “Ural-batyr”. Part 2. – Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS, 2010. – pp. 14–18.

КУЗЬМИНА Айталиа Ахметовна – к. филол. н., ст. н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7051-900>.

E-mail: aitasakha@mail.ru

KUZMINA Aitalina Akhmetovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.